

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2(55). С. 189–195.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022; 2(55):189–195.

Научная статья

УДК 322

doi: 10.47598/2078-9025-2022-2-55-189-195

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПАНСИИ РЕЛИГИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ*

Константин Геннадьевич Соколовский

Гуманитарно-техническая академия, Кокшетау, Казахстан, k_sokolovskiy@fastmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации традиционной религиозности в связи с развитием информационных технологий, когда самый широкий круг конфессий стал осваивать новые формы, средства и методы присутствия в виртуальной среде. Предпринята попытка проанализировать особенности существования религии в условиях цифрового пространства, а также используемые конфессиями инструменты. Автор предлагает классификацию религиозных интернет-ресурсов, основанную на принципах организации медиапространства и функциях, выполняемых ими. Также обозначены перспективы дальнейшего развития интернет-религиозности и вызовы религиозной безопасности в связи с массовой вовлеченностью прихожан в виртуальную цифровую среду.

Ключевые слова: религия, религиозные организации, государственно-конфессиональные отношения, цифровизация, интернет, медиапространство, digital-религия

Для цитирования: Соколовский К. Г. Государственно-конфессиональные отношения в контексте экспансии религии в интернет-пространстве: новые возможности, новые вызовы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2(55). С. 189–195. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-189-195>.

Research Article

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS WITHIN THE CONTEXT OF THE EXPANSION OF RELIGION IN THE INTERNET SPACE: NEW OPPORTUNITIES, NEW CHALLENGES**

Konstantin G. Sokolovskiy

Humanitarian and technical academy, Kokshetau, Kazakhstan, k_sokolovskiy@fastmail.com

Abstract. The paper examines the features of the transformation of traditional religiosity in connection with the development of information technologies, when a wide range of confessions began to master new forms, means and methods of being present in a virtual environment. The author proposes a classification of religious Internet resources based on the principles of organizing the media space and the functions they perform. The article also outlines the prospects for the further development of Internet religiosity, as well as challenges to religious security in connection with the massive involvement of parishioners of certain denominations in the virtual digital environment.

* Статья подготовлена в развитие доклада, сделанного автором на VIII Международной научно-практической конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность» (Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, 11 декабря 2021 года) [1, с. 256–259].

** The article was prepared in development of the report made by the author at the VIII International Scientific and Practical Conference "Humanitarian Knowledge and Spiritual Security" (Chechen State Pedagogical University, Grozny, December 11, 2021) [1, p. 256–259].

Keywords: religion, religious organizations, state-confessional relations, digitalization, Internet, media space, digital religion

For citation: Sokolovsky K. G. State-confessional relations with the context of the expansion of religion in the Internet space: new opportunities, new challenges. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. (In Russ.). 2022;2(55):189–195. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-189-195>.

В последние годы глобальное информационное пространство стало частью человеческого бытия: наша жизнь немыслима без интернета, электронных коммуникаций, разнообразных гаджетов, мобильных и иных технологий, обеспечивающих доступ к виртуальному миру. Разумеется, масштабная информатизация не может не коснуться и духовной стороны человеческого общежития: мы становимся свидетелями стремительного развития новых форм массовой религиозности, экспансии конфессий в интернет-пространстве.

Постсекулярный поворот к началу 2000-х годов не только катализирует процессы переосмысления сущности религии через призму стремительной информатизации социума, но и определяет ее место как вполне себе очевидного и даже обязательного элемента виртуального мира. Возможно ли сегодня представить себе всемирную сеть без религии — сайтов общин и конфессий, youtube-каналов проповедников, интернет-магазинов, онлайн-проектов семинарий и медресе, виртуальной обрядовости и т. д.? Согласимся с В. В. Шпоть, полагающей, что «постсекулярность предполагает возникновение потребности в новой модели репрезентации возникающей реальности» [2, с. 363]. Эту новую модель она находит в том числе и в интернет-пространстве.

Важным аспектом, катализировавшим религиозную интернет-экспансию, стала пандемия коронавируса, послужившая толчком к слиянию двух аспектов человеческого бытия: реального и виртуального, а также закрепила стойкую зависимость человека от онлайн-информационной среды. Мы сфокусируем свое внимание на проблеме распространения религиозной информации в сети — явлении социально-информационным, являющимся «полем активного религиозного конструирования, межрелигиозного диалога и миссионерского натиска» [3, с. 87].

Истоки обращения религиозных организаций к мультимедийному пространству фиксируются уже во второй половине XX в., когда в США возникает феномен телепроповедничества, получившего новый толчок развития с популяризацией YouTube и социальных сетей. Не случайно Е. Е. Сорокина замечает, что «в США наиболее талантливые протестантские проповедники, выступления которых показывают по телевидению, пользуются популярностью, сравнимой с популярностью звезд кино и эстрады» [4, с. 5].

Активная фаза распространения религий в интернет-пространстве фиксируется с начала 2000-х годов. В этот период в публицистике появляется термин «киберцерковь», а феномен проникновения в цифровое пространство религиозных движений становится предметом исследований научного сообщества. Так, видный американский культуролог Дж. Барна в 1999 году предсказывает кибер-церквям (в его работах впервые появляется термин «Internet church») большое будущее, полагая, что цифровизация религиозного сознания постепенно станет «макро-выражением» традиционного ортодоксального вероисповедания [5]. Представители официальных церквей также выражают свое мнение относительно новых тенденций. Они видят в виртуальной деятельности немалый прозелитический потенциал и задел для роста духовной жизни верующих, хотя предостерегают о соблазнах, которыми наполнен интернет, обращая внимание уполномоченных государственных органов на возникающую проблему.

Социологические исследования Р. М. Мухаметзяновой-Дуггал и Р. Р. Мухамадеевой показывают, что религиозные организации (кейс Республики Башкортостан) «все более активно стремятся влиять на различные сферы общественной жизни граждан и тем самым выходят «за церковные стены и ограду» [6, с. 30], и здесь интернет-присутствие играет ключе-

вую роль. Онлайн-среда предоставила религиозным движениям ряд безусловных преимуществ, которые способствовали стремительному распространению и популяризации тематических ресурсов. К таковым, помимо прочего, можно отнести: несоизмеримо широкий, в сравнении с традиционным, охват аудитории; высокий уровень анонимности как религиозных деятелей, так и прихожан; относительную легкость реализации духовной жизни (не нужно выходить из дома, соблюдать временные рамки и условия посещения традиционной церкви, степень вовлеченности в религиозное действие ограничивается желанием пользователя, а не литургическими требованиями и т. д.). С другой стороны, важным фактором оказалась возможность каждым заинтересованным пользователем конструирования «своей» религии под личные желания и представления, приведшая к крайнему политизму, «в котором богов столько, сколько человек в отдельности» [7, с. 11].

Существование религии в виртуальном пространстве является показателем того, как традиционная религиозная деятельность может адаптироваться к новым цифровым условиям, предпринимать шаги, обеспечивающие популярность исповедания, а также расширять границы собственного присутствия в стремительно меняющемся мире.

Таким образом виртуальное цифровое пространство расширило информационные границы, доступные традиционным религиозным исповеданиям ранее, тем самым предоставив значительно больше возможностей для проповеди и установления связи с адептами вероучения, что получило особую актуальность в период пандемии COVID-19. Например, по оценке Б. Ц. Дондукова и Г. П. Дондуковой, исследовавших кейс буддизма, до эпидемии отмечалось настороженное отношение лидеров общин к Интернету, тогда как в период пандемии практики буддизма были адаптированы под сложившуюся ситуацию, в том числе для оптимизации контактов с последователями [8, с. 152].

Рассматривая религию в медиатизированных публичных пространствах Скандинавских стран, Е. И. Гришаева называет четыре типа медиатизированных публичных пространств:

массмедиа, интернет, религиозные медиа и средства передачи культурных смыслов [9, с. 312]. Выделим и рассмотрим в этом контексте ключевые виртуальные религиозные ресурсы с точки зрения их функциональности и организации взаимодействия с пользователями (верующими).

На страницах самостоятельных информационно-коммуникативных ресурсов (сайты) пользователю предлагается целостный комплекс информационных, консультативных, религиозно-обрядовых услуг. Следует учитывать, что на создание и поддержание работоспособности ресурса уже затрачен (и будет затрачен в дальнейшем) значительный материально-творческий ресурс (в создание контента, его продвижение, мониторинг информационного поля и т. д. вложены финансы и усилия, как правило, команды единомышленников, каждый из которых отвечает за определенное направление — дизайн, содержимое тематических разделов, обратная связь и др.), что свидетельствует о высокой степени заинтересованности в функционировании проекта на долгосрочной основе, а также личной вовлеченности его идеологов и организаторов.

Одновременно присутствие сайта в глобальном информационном пространстве предполагает официальную регистрацию (приобретение доменного имени и хостинга, что требует предоставления юридической информации об организации-заказчике, поддержки в поисковых системах, продвижение и т. д.), а это частично является гарантией того, что публикуемая информация не противоречит действующему законодательству, активность пользователей, связанная с использованием полученной здесь информацией, является законной и разрешенной. Заметим, что сказанное не всегда выполняется в должной мере (по большому количеству причин — от пробелов в законодательстве до открыто мошеннических схем, прикрывающих свою незаконную деятельность какими-либо благовидными акциями, образовательными курсами, мотивационными тренингами и т. д.), в связи с чем рассматриваемая сфера требует пристального внимания со стороны уполномоченных государственных органов.

В целом многостраничные сайты религиозной тематики, как правило, связаны с реально существующими конфессиями, имеющими также реальный юридический адрес, священноначалие и клир, занимающееся в том числе различными социально-значимыми и особенно религиозными проектами.

Так, например, один из крупнейших православных информационных ресурсов — сайт pravoslavie.ru (проект Сретенского мужского монастыря РПЦ МП) — предоставляет не только информацию для ознакомления (календарь праздников, отчет о проведенных богослужениях в крупнейших храмах страны, виртуальная библиотека, статьи на актуальную тему, новости мирового православия и др.), но и содержит форму обратной связи для заказа молитвы в различных монастырях и храмах, подачи документов в духовные учебные заведения, оказания посильной помощи нуждающимся и др.

Интернет-церковные кампусы пользуются популярностью на Западе, но слабо развиты на постсоветском пространстве. Многочисленные англоговорящие ресурсы представляют собой конфессиональное содружество церквей, образующее единое информационное поле с возможностью обращения к библейским текстам, их разбору и комментированию, чатов, форумов и дискуссионных площадок, связи со священнослужителями, посещения богослужений онлайн и многое другое.

Спорными аспектами такой разновидности религиозной информационной деятельности является неоднозначное отношение к ней со стороны традиционных религий (опасности экуменизма, использования неканонических переводов Писания и т. д.). Ко всему прочему виртуальные церковные кампусы своей деятельностью трансформируют традиционное понимание обрядовости, делая ставку, прежде всего, на онлайн-богослужения. Митрополит Нежинский и Прилукский Климент (Вечера) указывает на главный риск такой религиозности — отождествление прихожанами посещения богослужения и его просмотра по телевидению или в интернете [10].

Существование религиозных организаций исключительно в социальных сетях на сегодняшний день сложно представить, поскольку

преобладающее большинство конфессий стремится создать сайт с возможностью лишь дублирования контента в тематических сообществах, которые в данном случае выступают в большей степени рекламной страницей материнского ресурса. Виртуальное пространство социальной сети не может обеспечить полноценный по сравнению с ним функционал, а потому используется как вторичное информационное поле, более приспособленное для обратной связи, вопрос-ответной формы бесед, а также в качестве дополнительного медиарезервуара.

Мобильные приложения — специально созданные элементы программного обеспечения, функционирующими исключительно на переносных устройствах (смартфонах, планшетах). Отличительной особенностью мобильных приложений является их интеграция в рабочую среду устройства и активация системы оповещения, которая напоминает пользователю о предстоящем событии (онлайн-трансляции, праздничном календарном дне, обновлении контента внутри приложения и т. д.). Религиозные мобильные приложения, как правило, дифференцируют по следующим типам:

- календарного типа (конфессиональный календарь, содержащий информацию об общем цикле годовых праздников и рассказы о них, жития святых, чей день празднуется, душеполезные цитаты и т. д.);

- текстологического типа (приложения, содержащие разнообразные религиозные тексты, например, Библии или Корана, различные авторитетные комментарии к ним, рассуждения выдающихся религиозных деятелей и др.);

- мультимедийного типа (программы по подбору и систематизации актуальных ссылок на медиаресурсы: искусственный интеллект оповещает пользователя о предстоящих событиях, указывает на не просмотренные видео, не прослушанные аудиотреки, а также формирует список актуальных материалов на основе последних, просмотренных пользователем ранее).

Основное назначение мобильных приложений — максимально приблизить функционал смартфона к его стационарному аналогу, дополнительно обеспечив пользователя свободой перемещения. О полном замещении ком-

пьютеров мобильными устройствами говорить пока рано, однако, очевидно одно: мобильные приложения заняли свою информационную «нишу», завоевали свою аудиторию.

Не вызывает сомнения тот факт, что слияние традиционной конфессиональной религиозной среды и виртуальной уже произошло. Об этом свидетельствует не только объективное присутствие конфессий в интернете, но и включение информационного потока в миссионерскую деятельность конфессий. Так, например, проповедь в сети уже давно стала одним из перспективных направлений курсов миссиологии, читаемых в различных семинариях Русской православной церкви. По мнению их авторов, она предполагает «широкое применение различных языков миссионерской проповеди: от высокого храмового литургического слога до речи, понятной детям, молодежи, воинам, государственным служащим, деятелям науки и культуры — по слову апостола Павла: „Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (1Кор. 9:22)» [11, с. 391].

На сегодняшний день остановить или хотя бы ограничить деятельность кибер-религиозных сообществ невозможно, однако, предупредить о рисках, которые несут некоторые аспекты указанного вида деятельности — вот задача не только религиозной, но и светской власти.

Так, наибольшую опасность представляет общее влияние информационной среды на формирование девиантного поведения молодежи: усиление религиозной компоненты способствует большей эмоциональной вовлеченности в медийный поток, и, как следствие, — формирование поведенческих стереотипов на основе агрессивно навязываемых виртуальной средой механизмов и форм выражения индивидуальной социально-философской позиции. Как полагает Д. Г. Шкаев, современная цифровая среда, представленная многообразием виртуальных ресурсов (программ, приложений), создает условия для раскрытия у пользователя девиантных черт личности, а также формирования асоциальных парадигм поведения [12, с. 54].

Работы казахстанских социологов А. Ш. Жамашева и С. К. Биликена показывают, что современная нам постсоветская исламская мо-

лодежь в своих духовных поисках склонна обращаться за информацией к веб-сайтам, в том числе анонимным, нежели имамам мечети или книгам, рекомендованным Духовным управлением мусульман (основная причина — легкодоступность интернет-проповедников), а это несомненно требует самого пристального внимания государственных органов [13, с. 30].

Проведенные исследования показывают, что чаще всего интернет-конфессии, не представленные оффлайн, являют собой маргинальные и радикальные религиозные организации, в то время как для традиционных религиозных организаций интернет-решения остаются важным, но все же дополнением. В этой связи онлайн-религиозность должна быть постоянным объектом регулирования государственных органов.

Здесь мы можем обратиться к административному опыту управления государственно-конфессиональными отношениями в Китае. Деятельность онлайн-конфессий, религиозная проповедь в интернете возможны в этой стране только после обязательной регистрации в уполномоченном государственном органе и выдачи им соответствующего разрешения. Онлайн-прихожане в свою очередь не могут пользоваться никакими, а регистрируются исключительно под своими реальными данными [14].

Помимо ограничительных мер, потенциально широкое окно возможностей для государственных органов открывают и так называемые «позитивные инструменты», прежде всего, разъяснительная работа квалифицированных мобилизованных государством специалистов (экспертов отделов по делам религий, активистов неправительственного сектора, религиоведов, религиозных деятелей, психологов и др.), направленная на предупреждение роста числа сторонников нетрадиционных религиозных течений. Такая работа сегодня требует существенной перестройки, поскольку продвигаемые таким образом нарративы зачастую «слишком расплывчаты, чем однозначно проигрывают „простой и понятной” радикальной идеологии» [15, с. 28].

В целом сложно однозначно утверждать, каких больше сторон — позитивных или негативных — несет диджитализация религии. Однако, учитывая условия всемирной пандемии,

а также трансформации общественного сознания в сторону глобальной цифровизации, можно с уверенностью утверждать, что взаимное проникновение реальной и цифровой религиозных культур обладает богатым потенциа-

лом дальнейшего роста, а также масштабными перспективами, обеспечивающими процесс получения, обработки и передачи религиозной информации новым инструментарием и методологическим базисом.

Список источников

- [1] Соколовский К. Г. Киберрелигия и риски духовной безопасности // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Махачкала : АЛЕФ, 2021.
- [2] Шпот В. В. Рецензия на книгу: Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 3. С. 362–368.
- [3] Актамов И. Г., Бадмациренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 86–91.
- [4] Сорокина Е. Е. Протестантская проповедь в английском языке в диахроническом аспекте // Universum: филология и искусствоведение. 2020. № 10 (77). С. 4–13.
- [5] Barna G. A Faith Revolution Is Redefining «Church», According to New Study // Faith & Christianity. 1999. November, 30 [Electronic resource]. URL: <https://www.barna.com/research/a-faith-revolution-is-redefining-church-according-to-new-study> (date of the application: December 24, 2021).
- [6] Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Мухамадеева Р. Р. Представления о роли религии в общественной жизни верующих Республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 3 (52). С. 27–32.
- [7] Вукчевич Н. Есть ли у постмодерна религия? // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2017. Т. 3, № 3. С. 10–16.
- [8] Дондуков Б. Ц., Дондукова Г. П. Буддизм в Интернете: возможности и препятствия // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 145–155.
- [9] Гришаева Е. И. Религия в медиатизированных публичных пространствах Скандинавских стран: между секулярной нейтральностью и национализмом // Russian Sociological Review. 2019. Т. 18, № 4. С. 299–319.
- [10] Иерарх УПЦ: онлайн-богослужения не могут заменить храм. Редакционная статья [Электронный ресурс] // РИА Новости : официальный сайт агентства международной информации. 2021. 2 марта. URL: <https://ria.ru/20210302/bogosluzheniya-1599659169.html>
- [11] Миссиология : учебное пособие / под редакцией А. В. Гинкеля. 2-е издание, исправленное и дополненное. М. : Миссионерский отдел РПЦ, 2010. 400 с.
- [12] Шкаев Д. Г. Вирусы разума, цифровая религия и мифология девиаций: социально-философское со- поставление // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2020. № 3. С. 49–54.
- [13] Жамашев А. Ш., Билекен С. К. Сайты, распространяющие информацию об исламских ценностях в Казахстане // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия: Религиоведение. 2020. Т. 21, № 1. С. 30–35.
- [14] Overseas organizations, individuals not allowed to operate online religious info services within the Chinese territory: regulations. Editorial // The Global Times. 2021. December, 21 [Electronic resource]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1242971.shtml>
- [15] Решетняк А. В. Опасные сети: как бороться с онлайн радикализацией в Казахстане. Алматы : Фонд Сорос-Казахстан, 2018.

References

- [1] Sokolovskiy K. G. Cyberreligion and Risks of Spiritual. *Gumanitarnoe znanie i duxovnaya bezopasnost` : sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Security "Humanitarian knowledge and spiritual security"*: collection of materials of the VIII International scientific-practical conference. Mahachkala: Alef; 2021. (In Russ.).
- [2] Shpot V. V. Book review: Uzlaner D. Post-secular turn. How to Think About Religion in the 21st Century. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*. 2020;38(3):362–368. (In Russ.).

- [3] Aktamov I. G., Badmatsirenov T. B., Dorzhieva I. Ts. Buddhism on the Internet: A Methodology for Studying Virtual Religious Communities. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*. 2015;(6):86–91. (In Russ.).
- [4] Sorokina E. E. Protestant preaching in English in the diachronic aspect. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie = Universum: philology and art history*. 2020;10(77):4–13. (In Russ.).
- [5] Barna G. A faith revolution is redefining "Church", According to new study. *Faith & Christianity*. November 30, 1999. Available from: <https://www.barna.com/research/a-faith-revolution-is-redefining-church-according-to-new-study>
- [6] Muhametzyanova-Duggal R. M., Muhamadeeva R. R. Ideas about the role of religion in the public life of believers in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsialnyih tehnologiy) = Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2021;3(52):27–32. (In Russ.).
- [7] Vukchevich N. Does postmodernism have a religion? *Nauchnyy rezultat. Seriya: Sotsiologiya i upravlenie = Scientific result. Series: Sociology and Management*. 2017;3(3):10–16. (In Russ.).
- [8] Dondukov B. Ts., Dondukova G. P. Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles. *Novye issledovaniya Tuvi = New Research of Tuva*. 2021;(2):145–155. (In Russ.).
- [9] Grishaeva E. I. Religion in the Mediatized Public Spaces of the Scandinavian Countries: Between Secular Neutrality and Nationalism. *Russian Sociological Review*. 2019;18(4):299–319. (In Russ.).
- [10] Hierarch of the UOC: online services cannot replace the temple. Editorial. *"RIA Novosti" — sayt agentstva mezhdunarodnoy informatsii = Russian news agency "Novosti" — website of the international information agency*. March 2, 2021. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20210302/bogosluzheniya-1599659169.html>
- [11] Missiology: a tutorial. Moscow: Missionary department of the Russian Orthodox Church; 2010. 400 p. (In Russ.).
- [12] Shkaev D. G. Viruses of Mind, Digital Religion and Mythology of Deviation: Socio-Philosophical Comparison. *Sotsialnyie i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Episode 3: Philosophy*. 2020;(3):49–54. (In Russ.).
- [13] Zhamashev A. Sh., Bileken S. K. Sites that disseminate information about Islamic values in Kazakhstan. *Vestnik Kazahskogo natsionalnogo universiteta im. al-Farabi. Seriya: Religiovedenie = Bulletin of the Kazakh National University named after al-Farabi. Series: Religious Studies*. 2020;21(1):30–35. (In Russ.).
- [14] Overseas organizations, individuals not allowed to operate online religious info services within the Chinese territory: regulations. Editorial. *The Global Times*. 2021. December, 21. Available from: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1242971.shtml>
- [15] Reshetnyak A. V. Dangerous networks: how to deal with online radicalization in Kazakhstan. Almaty: Soros-Kazakhstan Fondation; 2018. (In Russ.).

Информация об авторе

К. Г. Соколовский — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Гуманитарно-технической академии.

Information about the author

K. G. Sokolovskiy — Candidate of Science (Legal), Associate Professor, Professor at the Department of General Educational Disciplines, Humanitarian and technical academy.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 24.06.2022.